

УДК 1(47) (091)
ББК 87.3(2)53-697

Андрей Анатольевич Сафонов

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, магистр философии, преподаватель философии, Россия, Калининград, e-mail: Andreyaleteya87@yandex.ru

Философия по ту сторону законов непротиворечия: металогизм и антиномизм в творчестве Павла Флоренского и Семена Франка

Аннотация. Рассматривается критика антиномизма Павла Флоренского и Семена Франка в работах Е.Н. Трубецкого, Г.В. Флоровского, С.С. Хоружего и Д.А. Горячева. С использованием метода историко-философской реконструкции и метода сравнительного анализа анализируются тексты С.Л. Франка и П.А. Флоренского. Выявлена специфика анализируемых текстов, заключающаяся в отсутствии строгих логических границ между понятиями. На основании этого выдвигается предположение о том, что и П.А. Флоренский, и С.Л. Франк предполагали возможность особого когнитивного режима («домысленных глубин», «металогического единства»), предшествующего мышлению в понятиях, подчиняющемся законам формальной логики. Осуществлен сопоставительный анализ сделанных выводов с проектом логики всеединства В.И. Моисеева, в результате которого отмечен некоторый параллелизм подходов рассматриваемых мыслителей, их взаимодополнительность. Намечены перспективы для их дальнейшего сближения.

Ключевые слова: антиномизм, антроподицея, метадологическое единство, трансдефинитное, конкретная метафизика, логика всеединства

Andrey Anatolievich Safonov

Immanuel Kant Baltic Federal University, Master of Philosophy, teacher of philosophy, Russia, Kaliningrad, e-mail: Andreyaleteya87@yandex.ru

Philosophy on the other side of the laws of non-contradiction: metalogism and antinomianism in the work of Pavel Florensky and Semyon Frank

Abstract. The article discusses criticism of the antinomianism of Pavel Florensky and Semyon Frank in the works of E.N. Trubetskiy, G.V. Florovsky, S.S. Horizhim and D.A. Goryachev. The texts of S.L. Frank and P.A. Florensky are analysed using the method of historical and philosophical reconstruction and the method of comparative analysis. The specificity of the analysed texts, consisting in the absence of strict logical boundaries between concepts, is revealed. Based on this, it is suggested that both P.A. Florensky and S.L. Frank assumed the possibility of a special cognitive mode ('pre-thought depths', 'meta-logical unity') preceding thinking in concepts, which obeys the laws of formal logic. A comparative analysis of these conclusions with V.I. Moiseev's project of the logic of universality has been carried out, as a result of which some parallelism of the approaches of the considered thinkers and their complementarity have been noted. Prospects for their further convergence are outlined.

Key words: antinomianism, anthropodicy, metadogical unity, transdenite, concrete metaphysics, logic of all-unity

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.1.045-059

Тема антиномизма в творчестве Павла Флоренского и Семена Франка на данный момент довольно хорошо освещена. Здесь прежде всего стоит отметить проект логики всеединства В.И. Моисеева¹, сравнительный анализ антиномизма Флоренского и Франка в работе Д.А. Горячева²; комплексное изучение антиномизма П.А. Флоренского С.Б. Егоровой³; сопоставление антиномизма Флоренского с учением об антиномиях И. Канта в работах А.В. Ахутина⁴, П.П. Гайденко⁵; логико-методологический анализ Б.В. Бирюкова⁶, В.А. Бочарова⁷; анализ проблематики металогического у С.Л. Франка в работах П.П. Гайденко⁸, М.С. Гордневой⁹ и др.

Несмотря на широкое освещение, вопрос о возможности философии «по ту сторону» законов формальной логики видится недостаточно проясненным.

Интересующую область попытаемся очертить следующим вопросом: возможно ли оставаться в зоне когнитивного, отказавшись от законов непротиворечия? Согласно закону отрицания antecedента, из истины может следовать только истина, а из ложного высказывания – все что угодно, т. е. как истинные, так и ложные высказывания. Может ли в таком случае устоять философская

¹ См.: Моисеев В.И. Метафизика и теория познания Вл.Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2001. Вып. 1. С. 8–25 [1]; Моисеев В.И. Философия неовсеединства: квантовая метафизика абсолютного // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 3(51). С. 99–107 [2]; Моисеев В.И. Логика всеединства / Воронеж. гос. мед. академия. Воронеж, 1999. 247 с. Библиогр. 45 назв. Рук. деп. в ИНИОН РАН, 14.07.99 № 54845 [3].

² См.: Горячев Д.А. Различия в антиномизме П.А. Флоренского и С.Л. Франка // Труды Белгородской духовной семинарии. 2021. № 12. С. 148–155 [4].

³ См.: Егорова С.Б. Антиномизм и диалектика в учении П.А. Флоренского: дис. ... канд. филос. наук. 09.00.03 / Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2003. 156 с. [5].

⁴ См.: Ахутин А.В. София и черт (Кант перед лицом русской религиозной метафизики) // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 51–70 [6].

⁵ См.: Гайденко П.П. Антиномическая диалектика П.А. Флоренского против закона тождества // Критика немарксистских концепций диалектики XX века. Диалектика и проблема иррационального. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 32–51 [7].

⁶ См.: Бирюков Б.В., Прядко И.П. Проблема логического противоречия и русская религиозная философия: воззрения П.А. Флоренского и Н.А. Васильева // Трудные времена философии / Ю.А. Гастев. Философско-логические работы и «диссидентская» деятельность. М., 2010. С. 107 [8].

⁷ См.: Бочаров В.А. Павел Флоренский и логика // Седьмые Смирновские чтения: материалы науч. конф., Москва, 22–24 июня 2011. М., 2011. С. 122–125 [9].

⁸ См.: Гайденко П.П. Метафизика конкретного всеединства, или абсолютный реализм С.Л. Франка // Семён Людвигович Франк / под ред. В.Н. Поруса. М., 2012. С. 98–163 [10].

⁹ См.: Горднева М.С. Концепция сверхрационального всеединства С.Л. Франка // Философское наследие С.Л. Франка и современность. Саратов, 2008. С. 116–124 [11].

система, сделавшая антиномизм своим фундаментом? В случае математики и всех областей знания, опирающихся на законы формальной логики, ответ однозначен и очевиден.

Однако наши философы смело продолжают мыслить, пройдя через «пояс противоположностей». Несмотря на существенные различия в понимании антиномий у П. Флоренского и С. Франка, оба сходятся в том, что антиномии не являются непреодолимыми границами познания, как у И. Канта, а указывают на уровень сверхлогического (истина-антиномия Павла Флоренского, металогическое единство Семена Франка). В связи с этим возникает подозрение: не является ли данное мышление дунсовским «всем что угодно», т.е. не включает ли в себя как ложные, так и истинные тезисы, так что последние создают не более чем видимость философской аргументации?

Критика антиномизма в русской философии

Понятие антиномии, введенное в философию Иммануилом Кантом и указывающее у последнего на неизбежные противоречия, в которые впадает разум, покидая границы возможного опыта, стало одним из основополагающих в русской религиозной философии, в частности в творчестве рассматриваемых нами мыслителей.

Принципиальным отличием от кантовского понимания антиномий и для П.А. Флоренского, и для С.Л. Франка является то, что совмещение тезиса и антитезиса указывает у них не на границу познания как такового, а только лишь на границу рассудочного познания. Оба предполагают возможность сверхрассудочного познания, которое возможно и тогда, когда перестают действовать законы формальной логики. Для Флоренского истина открывается человеческому разуму не иначе как антиномия. Требование вместить в себя всю «полноту жизни» подразумевает, чтобы наряду со всяким утверждением она включала и его отрицание, наряду со всяким «А» включала «не А». Для С.Л. Франка антиномии совмещены в самом Боге: «Безусловное бытие есть *coincidentia oppositorum*, совпадение противоположностей; так как бытие есть все, что оно имеет и содержит, то в нем мирное соседство или сожитительство превращается в антиномистическое совпадение противоположностей» [12, с. 390].

Идея истины-антиномии нашла широкий отклик в русской философской и религиозной мысли. Так или иначе к ней обращаются Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский. В главе «Троица» своего сочинения «Мистическое богословие восточной церкви» (1944 г.) об антиномизме Троицы пишет В.Н. Лосский, ссылаясь при этом на Павла Флоренского¹⁰.

Однако философия религиозно-мистического антиномизма имеет и серьезных оппонентов. Так, Е.Н. Трубецкой полагает, что идея неснимаемых про-

¹⁰ См.: Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010. С. 72 [13].

тиворечий – это разрыв как со сферой разума, так и со сферой откровения. Философ не исключает возникновения антиномий на пути познания, но считает антиномизм временным и смертным элементом разума, во всеединной истине они снимаются и все с необходимостью становится логичным: «Почему логические формы мысли представляются им смертными? Да потому, что они мыслят эти формы по-кантовски как чисто субъективные, антропологически обусловленные формы человеческой мысли. Все в этих формах субъективно, а потому должно умереть вместе с временными условиями человеческого существования – и всеединство, и безусловность и всеобщность и закон достаточного основания. Сторонники этого воззрения не замечают, что думать так – значит вычеркивать и все то абсолютное, единое, безусловное, всеобщее, что есть в религиозном откровении, иначе говоря – сводить все откровение на нет.

Антиномии и антиномизм суть именно то, что принадлежит смерти. Наоборот, бессмертна мысль, пришедшая в разум истины, и потому самому – безусловно логичная» [14, с. 309].

К перечисленным аргументам можно прибавить критику Г.В. Флоровского¹¹ и С.С. Хоружего¹².

По мнению Г.В. Флоровского, положение о неснимаемых в сфере разума антиномиях отрывает мысль от ее софийных корней, обрекает христианское сознание на плен неопределенности и оравляет его незнанием.

С.С. Хоружий во многом продолжает линию критики Евгения Грубецкого, подчеркивая принципиальную неантиномичность по крайней мере некоторых церковных догматов: исхождения Духа от Отца через Сына, второго пришествия Иисуса Христа. Философ также настаивает на необходимости разделения сверхрассудочного и антирассудочного. По его мнению, христианский догмат всегда сверхрассудочен, но не всегда антирассудочен, как предполагает «самочинный» догмат Павла Флоренского – «догмат о необходимой антиномичности любого догмата»¹³.

Антиномическая методология, введенная в религиозную философию Павлом Флоренским, находит продолжение в работах Семена Франка, у которого она также является достаточно проблематичной.

Критику антиномизма Семена Франка можно найти, на примере, в работе Д.А. Горячева «Различия в антиномизме П.А. Флоренского и С.Л. Франка»¹⁴.

По нашему мнению, антиномизм С.Л. Франка отличается от антиномизма Флоренского тем, что первый распространяет антиномизм на божественную реальность, что приводит его к теологическим ошибкам. Так, «неверная предпосылка о противоречивой сущности Бога сопровождается неверной оценкой сущностной противоречивости упоминаемых в Писании явлений: “последние

¹¹ См.: Флоровский Г. Томление Духа // Путь. Февраль, 1930 г. № 20. С. 102 [15].

¹² См.: Хоружий С.С. Мирозозерцание Флоренского. Томск: Изд-во «Водолей», 1999. 160 с. [16].

¹³ Там же. С. 82.

¹⁴ См.: Горячев Д.А. Различия в антиномизме П.А. Флоренского и С.Л. Франка // Труды Белгородской духовной семинарии. 2021. № 12. С. 148–154.

станут первыми”, “сила есть слабость, а немощь – сила; бедность есть богатство, а богатство – нищета”»¹⁵.

Понимание этих противопоставлений как чистых противоречий лишает приведенные евангельские места смысла, который зиждется именно на исключаящем «или»: сила есть слабость – это не отождествление двух качеств, а пересказанная С.Л. Франком истина о том, что «немощное Божие сильнее человеков, как и немудрое Божие премудрее людей (1 Кор. 1:25)»¹⁶.

Доведенный до предела антиномизм сводит к абсурду всякое высказывание из Писания, всякий церковный догмат: «Ведь если и в самом деле верно, что всякая тайна религии – зараз и да и нет, то мы должны признать одинаково истинным и то, что есть Бог, и то, что Его нет, и то, что Христос воскрес, и то, что Он не воскресал вовсе» [18, с. 297].

Итак, несмотря на то что и антиномизм Флоренского, и антиномизм Франка стали философской классикой, а термин «антиномия» прочно вошел в философско-богословский дискурс, остается открытым вопрос: как возможно конкретное философское знание за пределами законов непротиворечия? Если Бог находится полностью за пределами возможностей человеческого ума, это, конечно, не мешает верить в него, однако в таком случае можно сказать, что на границе с Божественной реальностью заканчивается территория философии и начинается территория мистики и откровения.

Такая перспектива, в отличие от логического монизма Е.Н. Трубецкого, распространяющего законы человеческого мышления на Истину во всей ее полноте, делает религиозную философию почти по-кантовски бедной. На первый взгляд, о Боге в ней уверенно можно сказать только то, что мы о Нем ничего не знаем.

Однако нет ли в образе мыслей П.А. Флоренского и С.Л. Франка чего-то такого, чего не заметили его оппоненты?

Наше исследование можно назвать поиском путей для конкретного философского знания на основе реконструкции идей двух философов.

Металогическое единство

В разговоре о религиозном антиномизме можно наметить два возможных пути, которые условно можно назвать апофатическим и катафатическим. Первый предполагает, что за антиномиями начинается территория Божественного мрака, о котором мы не можем иметь никакого положительного философского знания, кроме его непознаваемости.

Согласно второму, за пределами антиномии возможно и конкретное знание, области естественного человеческого разума и откровения не являются полностью изолированными друг от друга, однако, чтобы связать то и другое, нужен иной, выходящий за пределы возможностей формальной логики способ познания.

¹⁵ См.: Горячев Д.А. Различия в антиномизме П.А. Флоренского и С.Л. Франка. С. 148–155.

¹⁶ См.: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В синодальном переводе. М.: РБО. Российское Библейское общество, 2013. 1372 с. [17].

Надежду на возможность подобного пути дает использование Павлом Флоренским термина «антиномия» не только в своей теодицее, где речь идет о трансцендентной божественной истине, но и в антроподицее, где автор обращается к проявлениям истины в мире «дольнем» – во всем многообразии человеческой деятельности (в речи, науке, искусстве, технике и т.д.). Это согласуется с рассуждениями Семена Франка о диалектической природе познания, благодаря которой преодолевается односторонность рационального.

Далее будем следовать катафатической линии и попытаемся на основе идей С.Л. Франка и П.А. Флоренского реконструировать уникальный метод познания «по ту сторону законов непротиворечия».

Следует прежде всего отметить, что для антиномий буквально нет места там, где границы между понятиями четко фиксированы. Данную ситуацию можно легко изобразить с помощью диаграмм Эйлера – пересекающихся, вложенных или непересекающихся кругов со строго определенными границами. Очевидно, что пересечение круга А и области «не А», находящейся за его пределами, всегда пусто и никакое дополнительное пересечение с истиной ситуацию не изменит.

Но «лазейка» для металогического мышления П.А. Флоренского и С.Л. Франка (при всем их различии существуют общие черты), по всей видимости, кроется в осознании того, что строгие границы между понятиями не являются безусловными, не существовали всегда. Они в какой-то момент устанавливаются, а следовательно должен существовать некий допонятийный уровень познаваемой реальности, на котором строгих границ еще нет. Семен Франк называет его трансдефинитным, или металогическим, единством, которое всегда предшествует в качестве некоего фона предметному знанию. Вот как он описывает этот уровень: «Это единство – это лоно, из которого в силу принципа определенности возникает расчлененная совокупность отдельных определенностей, – само не подчинено указанным логическим принципам или законам, а возвышается над ними или, лучше сказать, лежит глубже их, составляет более первичный слой реальности. Этот слой мы называем металогическим единством» [19, с. 64–65].

Павел Флоренский также фокусируется на проблеме проведения границ. Исследуя этимологию слова «термин», он уделяет особенное внимание тому, что история этого слова связана со священными межевыми камнями, Термами. Термин, в его понимании, «есть граница, которою мышление самоопределяется»¹⁷.

Философ также напоминает о «территориальном» подтексте слова «определение»: «Определить – это значит очертить вокруг предмета исследования некий предел»¹⁸.

¹⁷ См.: Флоренский П. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. М.: АСТ: М., 2009. С. 228 [20].

¹⁸ Там же. С. 144.

Из трансдефинитной природы действительности, по С. Франку, с необходимостью следует диалектичность нашего познания, ведь любая рациональность в такой перспективе является односторонней и неадекватной и требует своего преодоления: «Трансдефинитный момент реальности ведет к тому, что наше мышление, поскольку оно служит именно познанию реальности, должно всегда оставаться диалектичным, т. е. имеет своей движущей силой именно сознание неадекватности своего рационального существа и должно пытаться – в форме рациональности, которая одна ему доступна, – все же всегда преодолевать односторонность всего рационального» [18, с. 76].

О заведомой односторонности рациональных определений постоянно говорит и Павел Флоренский. Ключом к его диалектике, по-видимому, является снятие существующих границ ради обнаружения более глубоких смысловых связей, так как все многообразие истины, по мнению философа, невозможно замкнуть в круге конечных определений и символов. Только живое диалектическое мышление может разорвать этот круг, чтобы перейти к новому. Ведь диалектика, согласно философу, «неизменно работает не над символами, как таковыми, а лишь символами над самой действительностью. Пока животрепещут – они несут свою должность; но когда, – усыхая и мертвее, – подобно осеннему листу они опадают от золотого древа жизни, тогда мысль прорывается и чрез них – к новому соприкосновению с самою жизнью, и так – еще и еще» [21, с. 144].

Подвижность, способность выйти за установленные границы становятся для философа неотъемлемой характеристикой живой мысли, которая только и может в его понимании быть подлинно философской. Ее противоположность – неподвижные мысли, некая сумма застывших терминов и определений. Диалектичность мысли становится признаком ее жизни. В работе «Разум и диалектика»¹⁹, описывая природу этой жизни, Флоренский метафорически сравнивает незыблемые для разума границы с «ледяными стенами», которые могут растаять «под ласкою созерцающего взора», после чего тезисы превращаются в живой поток и переливаются «один в другой»²⁰.

Продолжая аналогию с кругами Эйлера, можно представить, что в отличие от статичного состояния, соответствующего строгой формальной логике, во вскипаниях и водоворотах мысли П.А. Флоренского круги эти постоянно меняют форму, размеры. То, что ранее не имело пересечения, на новом витке диалектики может пересекаться.

Примечательно, что к подобным образам Флоренский обращается в работе «Понятие церкви в священном Писании»²¹, иллюстрации к которой содержат совпадающие, пересекающиеся и непересекающиеся круги, символизирующие сложные метаморфозы понятий церкви и Царствия Божьего.

¹⁹ См.: Валентино Наталино. Павел Флоренский / пер. с ит. О. Хмелевская. М.: Изд-во ББИ, 2015. С. 127 [21].

²⁰ См.: Флоренский П. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. С. 144.

²¹ См.: Флоренский П.А. Понятие Церкви в Священном Писании // Флоренский П.А. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 414 [22].

В этой же работе Флоренский говорит о переходе от «слов-понятий» к «словам-символам»: «Образы переходят друг в друга, живут, колеблются, меняют свои очертания, растут. Здание начинает расти в Город, в Иерусалим Горний. Отдельные камни здания сами делаются храмами. Здание вытягивается в колонну. Затем колебания делаются серьезнее. Камни оживают, Здание создается в любви, приращивает само себя; от него требуется нравственная чистота. Наконец, оно незаметно сделалось живым, одухотворенным Телом и превратилось в Невесту... в этом всеобщем течении религиозных схем признак жизни – жизни, которая неуловима никакими схемами» [22, т. 1, с. 414].

И далее он пишет о том, что эти схемы «остаются взаимоисключающими лишь для рассудочного познания»²².

Подобные метаморфозы особенно хорошо прослеживаются в библейском символизме.

Важно отметить, что Флоренского интересует не столько момент трансдефинитности, сколько то, что можно назвать преддефинитностью: вихри и домысленные глубины интересны ему как когнитивная, эвристическая среда, некая радиальная сеть смыслов, где из каждой точки можно попасть в каждую.

В очерке «Пути и средоточия», послужившем введением в работу «У водоразделов мысли», философ дает своему методу следующее художественное описание: «Темы набегают друг на друга, нагоняют друг друга, оттесняют друг друга, чтобы, отзвучав, уступить потом место новым темам... В сложении целого каждая тема оказывается так или иначе связанной с каждой другой: это круговая порука, ритмический перебой взаимопроникающих друг друга тем... Связующие отношения тут многократны, жизненно-органичны, в противоположность формальным, исчислимым и учитываемым связям рациональных систем, причем самые системы напрашиваются на уподобление канцелярскому механизму, с внешними и скудными, но точно определенными заранее отношениями. Напротив, та ритмика мысли, к которой стремится автор, многообразна и сложна множественностью своих подходов; но во всех дышит одно дыхание: это – синархия» [20, с. 16].

Металогическое единство и домысленные глубины как эвристическая среда

Несмотря на различия между антиномизмом П.А. Флоренского и С.Л. Франка, нам удалось найти пространство, в котором оба мыслителя «пересекаются», – это идея об особом металогическом уровне бытия, где еще не существует твердых, строго очерченных понятий, но который с необходимостью им предшествует. Из этой области домысленных глубин «вымораживаются впоследствии твердые тезисы»²³.

²² См.: Флоренский П.А. Понятие Церкви в Священном Писании. С. 414.

²³ См.: Флоренский П. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. С. 14.

Пожалуй, и в случае П.А. Флоренского, и в случае С.Л. Франка можно говорить о двух дополняющих когнитивных «режимах» – режиме интуиции и режиме дискурсии. В интуитивном режиме всякое многообразие мира воспринимается как целое, которое алогично и именно в силу этого является источником нового философского содержания, которое в «нормальной для нас сфере дискурсивности» превращается в «систему отвлеченных определенностей»²⁴.

Следующее высказывание С.Л. Франка подтверждает наше предположение: «В момент интуитивного постижения мы воспринимаем бесконечное разнообразие как единое целое. Потом этот опыт остается в памяти; на мгновение актуализировавшись, он затемняется, возвращается в область потенциального. Мы опять спускаемся в нормальную для нас сферу дискурсивности и, пытаясь описать то, что постигли в интуиции Всеединства, строим «систему отвлеченных определенностей» [12, с. 308].

Если С.Л. Франк подходит к трансдефинитной области с фундаментально философских позиций, его мысль направлена не столько на отдельные моменты непостижимого как такового, сколько на металогическое вообще, то мысль П.А. Флоренского сосредоточивается на конкретных проявлениях металогического. Продолжая его метафору, можно сказать, что особый интерес для него представляют метаморфозы идеи от стадии мыслительных водоворотов до кристаллизации в твердых понятиях.

Ярким примером такого анализа является его интерпретация генезиса иррациональных чисел. Будучи ересью для пифагорейцев и «туманной нелепостью»²⁵ для многих поколений математиков, в XIX веке благодаря усилиям Г. Кантора иррациональные числа превращаются в кристалльные понятия из теории множеств.

Произошло это, по мнению философа, благодаря тому, что удалось порвать «магический круг его конечных понятий и выступить в новую среду – в среду сверх-конечного, рассудку недоступного и для него нелепого. Таков разумный подвиг в арифметике»²⁶.

Приведенные рассуждения Павла Флоренского очень похожи на то, что писал С.Л. Франк о диалектичности и необходимости осознания и преодоления односторонности рационального.

Пример П.А. Флоренского можно формализовать: до появления нового понятия иррационального математика имела дело с явным противоречием, своего рода А и не А. С введением понятия противоречие устраняется, но достигается это путем выхода за пределы прежней системы определений, т.е. установленных рассудком границ. Появление новой математической сущности рассматривается им как подъем над той плоскостью мышления, в которой попытки решить задачу наталкиваются на непреодолимую стену. Вот как описывает

²⁴ См.: Франк. Предмет знания = Франк С.Л. Предмет знания. С. 308.

²⁵ См.: Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М.: АСТ МОСКВА, 2007. С. 400 [23].

²⁶ Там же.

эту когнитивную ситуацию Павел Флоренский: «Итак: встретив невозможную комбинацию символов, мы были абсолютно не в силах решить задачу. Мы наткнулись на стену, – на ограниченность самых арифметических сущностей, воплощаемых в данных знаках. Оставалось одно: либо отказаться от самой задачи, либо подняться над тою плоскостью мышления, которая оперирует с «конечными» символами, – привести новую идею, идею актуальной, – т.е. синтезированной, – бесконечности и при помощи нее создать особым творческим актом духа совершенно новую мысленную сущность, – иррациональность» [23, с. 400].

Похоже на то, что идея кристаллизации тезисов из домысленных глубин проливает свет на потрясающую эвристичность мысли П.А. Флоренского. Порой туманные, не до конца осознаваемые образы становились зернами новых концепций, изобретений и т.д.

Так, юношеские ощущения «иной стороны» кристаллизуются в математической теории двусторонней мнимо-комплексной плоскости, детская замороженность кристаллами продолжается зрелыми исследованиями кристаллографии.

Особый интерес в данной связи представляют сны как область по преимуществу металогическая, в которой происходят постоянные растождествления и превращения.

На основании ряда отрывков из недавно опубликованных «Граней миров»²⁷, представляющих собой отчет о сновидческой деятельности философа, можно сделать предположение, что некоторые ключевые идеи приходили к нему во время сновидений.

В качестве примера можно привести сны, в которых он видел электрические схемы²⁸.

Два когнитивных режима и логика всеединства В.И. Моисеева

Наше предположение о необходимости выявления двух когнитивных режимов для прояснения соотношения логического и металогического у П.А. Флоренского и С.Л. Франка имеет интересные параллели с концепцией логики всеединства В.И. Моисеева²⁹.

Автор этой концепции предполагает, что русская философия всеединства регулярно использовала некоторые близкие друг другу философские методы, которые составляют единую логическую систему, названную им логикой всеединства.

²⁷ См.: Флоренский П. Из моей жизни. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2018. 732 с. [24].

²⁸ Там же. С. 673.

²⁹ См. следующие работы: Моисеев В.И. Метафизика и теория познания Вл. Соловьева. С. 8–25; Моисеев В.И. Философия неовсеединства: квантовая метафизика абсолютного. С. 99–107. Моисеев В.И. Логика всеединства / Воронеж. гос. мед. академия. Воронеж, 1999. 247 с. Библиогр. 45 назв. Рук. деп. в ИНИОН РАН, 14.07.99 № 54845.

Отличительной особенностью логики всеединства является представление о двух философских планах: Л1 (безусловный план всеединого, соответствующий интуитивному), Л2 (обусловленный план, соответствующий логическому).

План Л1 соответствует выявленному нами режиму металогического. На этом уровне не работают законы формальной логики, здесь мы имеем дело с некой антиномической ментальной многомерностью. Здесь философия всеединства работает «с сущностями, “мерность” которых выходит за рамки различающей способности познания»³⁰. На уровне Л2 мы имеем дело с некой системой непротиворечивых ментальных проекций, образующих ментальное многообразие, построенное по аналогии с многообразиями в математике (топологическими, дифференциальными и т. д.).

Переход от Л1 к Л2 соответствует выявленному нами с помощью герменевтического анализа текстов Флоренского процессу кристаллизации «домысленных глубин» в язык «твердых» тезисов.

Особенный интерес для нашего исследования имеет совершенная В.И. Моисеевым детализация концепции ментального многообразия на основе идей Павла Флоренского.

Продолжая традицию философско-математического синтеза о. Павла, В.И. Моисеев рассматривает его работу «Мнимости в геометрии» как пространственную модель соотношения уровней Л1 и Л2.

В своей работе о. Павел строит альтернативную гауссовой модель комплексных чисел с помощью двусторонней плоскости, в которой одна сторона целиком занята действительными числами, а другая мнимыми.

Сам Флоренский намечает контуры для глубокой гносеологической интерпретации этой модели: в своих воспоминаниях он говорит о том, что с детства ощущал у реальности наличие нефизической ноуменальной стороны. В последней главе «Мнимостей в геометрии», а также в работе «Иконостас» он отождествляет область мнимостей с ноуменальным планом.

В.И. Моисеев углубляет данный символизм, вводя качественное различие топологии двух пространств. Объекты феноменального плана должны быть отделимы, т.е. иметь возможность достаточно точно отличаться от других элементов. Это соответствует логической определенности твердых терминов. Объекты ноуменального плана, напротив, должны быть «делокализованы», должны взаимопроникать друг в друга, что соответствует домысленным глубинам Флоренского и металогическому единству Семена Франка: «Если один план обозначить как ноуменальный, другой – как феноменальный, то в феноменальном плане все элементы должны быть “отделимы”, т.е. иметь возможность достаточно точно отличаться от других элементов. В ноуменальном плане, наоборот, должна быть обеспечена “делокализация” элементов, их взаимопроникновение друг в друга, “изотропическое сообщение”» [3, с. 150].

³⁰ См.: Моисеев В.И. *Логика всеединства*. С. 63.

Топологическая модель неотделимости объектов ноуменального является идеальной иллюстрацией цельности и отмеченной нами взаимопроницаемости идей на уровне металогического. Она вполне соответствует и неотделимости, недифференцируемой связности объектов в металогическом единстве Семена Франка: «В суждении “А есть В” связь В с А никогда не выводима из А только на основании А, всегда законом тождества предполагается, что “А есть А и А не есть В”. И если связь суждений реальна, то только на основании некоторой первичной недифференцируемой связности всего со всем, предпосланной ее дифференциации в суждениях. Эта пред-данная связность предметного знания, сама уже не подчиненная принципу определенности, и есть слой “металогического единства” в знании (VI, С. 227)» [3, с. 153].

Примечательны попытки В.И. Моисеева развить интуицию Флоренского о соответствии математического и философского иррационального. Металогическое понимается им как предел бесконечного ряда предикаций, которые уподобляются им островам в океане иррационального. (Это можно сравнить с расположением счетного множества рациональных чисел в континууме иррациональных.)

В целом следует отметить, что в сближении приведенных выше идей с концепцией логики всеединства видится большой потенциал.

Некоторые рассуждения В.И. Моисеева и наши разворачиваются почти «параллельно», как, например, идея наличия двух когнитивных режимов и двух логических планов S1 и S2. При этом концепция логики всеединства является более проработанной в структурно логических аспектах, в то время как ход наших рассуждений может стать своего рода дополнением к подходу В.И. Моисеева. Если последний рассматривает уровень непостижимого как некое металогическое статичное целое, подобное статичным объектам математики (ментальная многомерность), то в нашем фокусе зрения на металогическое можно посмотреть и как на постоянно меняющееся, динамическое целое, символом чего могут послужить «водовороты мысли» Павла Флоренского и меняющие форму круги Эйлера.

Металогическое, понятое как вечная текучесть, с трудом схватывается структурами, созданными по математическому образцу. В то же время оно интересно в перспективе непосредственного когнитивного опыта по ту сторону логической определенности.

Заключение

Нашей задачей было ответить на вопрос: можно ли оставаться в зоне когнитивного, отказавшись от законов непротиворечия, на примере антиномизма П.А. Флоренского и С.Л. Франка? Были серьезные основания опасаться, что мысль, ставящая в качестве своего фундамента антиномию, рискует стать дунсовским «все что угодно», что истинное в ней неизбежно смешается с ложным. Опасения укрепляла критика антиномизма П.А. Флоренского Е.Н. Трубецким, предполагавшим, что идея неснимаемых антиномий ведет к разрыву сфер ра-

зума и откровения. Эта линия аргументации была впоследствии продолжена С.С. Хоружим.

Попытка найти в философии П.А. Флоренского и С.А. Франка то, что выдержит данную критику, свелась к следующему: ни один из мыслителей не отказывался полностью от законов формальной логики. Они, скорее, говорили о ее ограниченности и существовании иных когнитивных областей. Семен Франк называл их металоогическим единством, предшествующим мышлению в понятиях. На этом уровне бессильна дискурсивная мысль, на смену ей приходит умудренное неведение Непостижимого.

П.А. Флоренский особое внимание уделял искусству проведения границ в мыслимом. Но живая диалектическая мысль, по его мнению, достигая определенного напряжения, требует снятия этих границ и проведения новых.

Выдвинутая гипотеза о том, что умение черпать вдохновение на трансфинитном уровне мыслительных «водоворотов» и «вихрей» является секретом потрясающей эвристичности мысли П.А. Флоренского и может рассматриваться как дополнительный к дискурсивному метод познания, прекрасно согласуется с идеей философа об Истине как интуиции и дискурсии.

Сравнение полученных выводов с концепцией логики всеединства В.И. Моисеева позволяет отметить некоторый параллелизм двух подходов: выявленные нами два когнитивных режима интуиции и дискурсии соответствуют двум выявленным В.И. Моисеевым логическим планам: Л1 и Л2. Переход от Л1 к Л2 соответствует процессу, названному нами с опорой на метафору П.А. Флоренского «вымораживанием впоследствии твердые тезисы»³¹.

Список литературы

1. Моисеев В.И. *Метафизика и теория познания* Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2001. Вып. 1. С. 8–25.
2. Моисеев В.И. *Философия неовсединства: квантовая метафизика абсолютного* // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 3(51). С. 99–107.
3. Моисеев В.И. *Логика всеединства* / Воронеж. гос. мед. академия. Воронеж, 1999. 247 с. Библиогр. 45 назв. Рук. деп. в ИНИОН РАН, 14.07.99 № 54845.
4. Горячев Д.А. *Различия в антиномизме П.А. Флоренского и С.Л. Франка* // Труды Белгородской духовной семинарии. 2021. № 12. С. 148–155.
5. Егорова С.Б. *Антиномизм и диалектика в учении П.А. Флоренского*: дис. ... канд. филос. наук. 09.00.03. Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2009. 156 с.
6. Ахутин А.В. *София и черт (Кант перед лицом русской религиозной метафизики)* // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 51–70.
7. Гайдено П.П. *Антиномическая диалектика П.А. Флоренского против закона тождества* // Критика немарксистских концепций диалектики XX века. Диалектика и проблема иррационального. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 32–51.
8. Бирюков Б.В., Прядко И.П. *Проблема логического противоречия и русская религиозная философия: воззрения П.А. Флоренского и Н.А. Васильева* // Бирюков Б.В. Трудные времена

³¹ См.: Флоренский П. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. С. 14.

философии. Юрий Алексеевич Гастев. Философско-логические работы и «диссидентская» деятельность. М., 2010. С. 107.

9. Бочаров В.А. Павел Флоренский и логика // Седьмые Смирновские чтения: материалы науч. конф., Москва, 22–24 июня 2011 г. М., 2011, С. 122–125.

10. Гайденко П.П. Метафизика конкретного всеединства, или абсолютный реализм С.Л. Франка // Семён Людвигович Франк / под ред. В.Н. Поруса. М., 2012. С. 98–163.

11. Городнёва М.С. Концепция сверхрационального всеединства С.Л. Франка // Философское наследие С.Л. Франка и современность. Саратов, 2008. С. 116–124.

12. Франк С.Л. Предмет знания. Прага, 1915. С. 8.

13. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010. 448 с.

14. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Полиграфиздат, 2011. 396 с.

15. Флоровский Г. Томление Духа // Путь. Февраль 1930. № 20. С. 102.

16. Хоружий С.С. Миросозерцание Флоренского. Томск: Изд-во «Водолей», 1999. 160 с.

17. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В синодальном переводе. М.: Российское Библейское общество, 2013. 1372 с.

18. П.А. Флоренский: pro et contra / сост., вступ. ст., примеч. и библиогр. К.Г. Исупова. СПб.: РХГИ, 1996. 752 с.

19. Франк С. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. М.: АСТ, 2007. 510 с.

20. Флоренский П. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. М.: АСТ, 2009. 346 с.

21. Валентино Наталино. Павел Флоренский / пер. с ит. О. Хмелевская. М.: Изд-во ББИ, 2015. 191 с.

22. Флоренский П.А. Понятие Церкви в Священном Писании // Флоренский П.А. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 414.

23. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2007. 633 с.

24. Флоренский П. Из моей жизни. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2018. 732 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie. V sinodal'nom perevode* [Bible. Books of Holy Scripture of the Old and New Testament. Canonical. In the synodal translation]. Moscow: Rossiyskoe Bibleyskoe obshchestvo, 2013. 1372 p.

2. Florenskiy, P.A. Ponyatie Tserkvi v Svyashchennom Pisanii [The concept of the Church in the Holy Scriptures], in Florenskiy, P.A. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Collected Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1994. 414 p.

Individual Works

3. Biryukov, B.V., Pryadko, I.P. Problema logicheskogo protivorechiya i russkaya religioznaya filosofiya: vozzreniya P.A. Florenskogo i N.A. Vasil'eva [Problems of Logical Confrontation and Russian Religious Philosophy: the views of P. A. Florensky and N. A. Vasilyeva], in Biryukov, B.V. *Trudnye vremena filosofii. Yuriy Alekseevich Gastev: Filozofsko-logicheskie raboty i "dissidentskaya" deyatel'nost'* [Difficult times of philosophy. Yuri Alekseevich Gastev: Philosophical and logical works and "dissident" activity]. Moscow, 2010.

4. Florenskiy, P.A. *Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoy teoditsei* [Pillar and affirmation of truth: Experience of Orthodox theodicy]. Moscow: AST, 2007. 633 p.

5. Florenskiy, P. *U vodorazdelov mysli: Cherty konkretnoy metafiziki* [At the Watersheds of Thought: Traits of Concrete Metaphysics]. Moscow: AST, 2009. 346 p.
6. Florenskiy, P. *Iz moey zhizni* [From my life]. Moscow: Akademicheskii proekt; Gaudeamus, 2018. 732 p.
7. Florovskiy, G. Tomlenie Dukha [The languor of the Spirit], in *Put'*, Fevral' 1930, no. 20, p. 102.
8. Frank, S. *Nepostizhimoe: Ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii* [The Incomprehensible: An Ontological Introduction to the Philosophy of Religion]. Moscow: AST, 2007. 510 p.
9. Frank, S.L. *Predmet znaniya* [Subject of knowledge]. Praga, 1915. 504 p.
10. Gaydenko, P.P. Antinomicheskaya dialektika P.A. Florenskogo protiv zakona tozhdestva [P.A. Florensky's Antinomic Dialectics against the Law of Identity], in *Kritika nemarksistskikh kontseptsiy dialektiki XX veka. Dialektika i problema irratsional'nogo* [Critique of Non-Marxist Concepts of Dialectics of the XX Century. Dialectics and the Problem of the Irrational]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1988, pp. 32–51.
11. Gaydenko, P.P. Metafizika konkretnogo vseedinstva, ili absolyutnyy realizm S.L. Franka [The Metaphysics of concrete Unity, or the absolute Realism of S.L. Frank], in *Semen Lyudvigovich Frank* [Semyon Ludwigovich Frank]. Moscow, 2012, pp. 98–163.
12. Khoruzhiy, S.S. *Mirosozertsanie Florenskogo* [Worldview of Florensky]. Tomsk: Izdatel'stvo «Vodoley», 1999. 160 p.
13. Losskiy, V.N. *Ocherk misticheskogo bogosloviya vostochnoy tserkvi* [Sketch of mystical theology of the Eastern Church- Holy Trinity Sergius Lavra]. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 2010. 448 p.
14. Moiseev, V.I. *Logika vseedinstva* [Logic of all-singularity]. Voronezh, 1999. 247 p.
15. P.A. Florenskiy: *pro et contra*. Saint-Petersburg: RKhGI, 1996. 752 p.
16. Trubetskoy, E.N. *Smysl zhizni* [The meaning of life]. Moscow: Poligrafizdat, 2011. 396 p.
17. Valentino, Natalino. *Pavel Florenskiy* [Pavel Florensky]. Moscow: Izdatel'stvo BBI, 2015. 191 p.

(Articles from Scientific Journals)

18. Akhutin, A.V. Sofiya i chert (Kant pered litsom russkoy religioznoy metafiziki) [Sofia i chert (Kant in the face of Russian religious metaphysics)], in *Voprosy filosofii*, 1990, no. 1, pp. 51–70.
19. Goryachev, D.A. Razlichiya v antinomizme P.A. Florenskogo i S.L. Franka [Differences in the antinomianism of P.A. Florensky and S.L. Frank], in *Trudy Belgorodskoy dukhovnoy seminarii*, 2021, no. 12, pp. 148–155.
20. Moiseev, V.I. Metafizika i teoriya poznaniya Vl. Solov'eva [Metaphysics and the Theory of Cognition of V. Solov'yov], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2001, issue 1, pp. 8–25.
21. Moiseev, V.I. Filosofiya neovseedinstva: kvantovaya metafizika absolyutnogo [Philosophy of Neo-Universality: Quantum Metaphysics of the Absolute], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2016, issue 3(51), pp. 99–107.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

22. Bocharov, V.A. Pavel Florenskiy i logika [Pavel Florensky and logic], in *Sed'mye Smirnovskie chteniya. Materialy nauchnoy konferentsii, Moskva, 22–24 iyunya 2011 g.* [Seventh Smirnov Readings. Materials of the scientific conference, Moscow, June 22–24, 2011]. Moscow, 2011, pp. 122–125.
23. Gorodneva, M.S. Kontseptsiya sverkhatsional'nogo vseedinstva S.L. Franka [The concept of S.L. Frank's super-rational universality], in *Filosofskoe nasledie S.L. Franka i sovremennost'* [S.L. Frank's philosophical heritage and modernity]. Saratov, 2008, pp. 116–124.

(Thesis and Thesis Abstracts)

24. Egorova, S.B. *Antinomizm i dialektika v uchenii P.A. Florenskogo*. Diss. ... kand. filos. nauk: 09.00.03 [Antinomism and dialectics in the doctrine of P.A. Florensky. Cand. philos. sci. diss.: 09.00.03]. Saratov, 2003. 156 p.